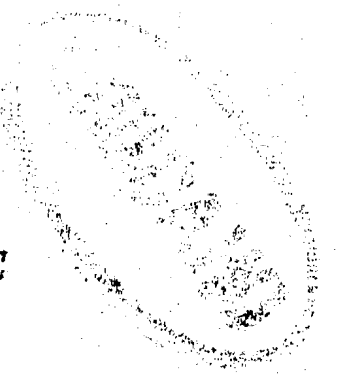
РАБОЧІЕ СОЮЗЫ

или

КАКЪ ВЗЯТЬСЯ ЗА УМЪ



(*ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ*

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Мануфактуръ и Торговли

1896

2 экз
р

„Пров 49“

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ

или

КАКЪ ВЗЯТЬСЯ ЗА УМЪ

(*ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ*)

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Мануфактуръ и Торговли

1896

„Пров[illegible]

Дозволено Цензурой.

С. Петербургъ, *5-го марта 1896 г.*

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛ[illegible]
АКАДЕМИЯ
225948

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ.

Тяжело живется рабочему люду вездѣ, на всемъ свѣтѣ. Но тяжелѣе всего живется у насъ, на Руси. Во всѣхъ ужь почти государствахъ рабочіе завоевали себѣ человѣческія права: они имѣютъ право соединяться въ союзы, собираться вмѣстѣ для обсужденія своего положенія, имѣютъ свои газеты, своихъ выборныхъ въ управленіи государствомъ и т. д., словомъ, имѣютъ право и силу бороться за улучшеніе своего житья-бытья, бороться противъ каждаго беззаконія, каждаго насилія, которое учинятъ надъ ними. Ну, а такія насилія случаются очень нерѣдко; это зависитъ, конечно, отъ самаго положенія рабочихъ, которые всегда находятся въ кабалѣ у своихъ хозяевъ.

Извѣстно, что для хозяина нѣтъ ничего слаще, какъ напримѣръ, сбавить рабочему заработную плату, заставить его лишній часъ проработать на фабрикѣ, урвать у него хотя 5 — 10 минутъ отъ его отдыха, сорвать съ него ни за что, ни про что штрафъ,—словомъ, всѣхъ обидъ и несправедливостей, которыя приходится выносить рабочему, не перечтешь.

Вотъ во всѣхъ такихъ странахъ, гдѣ рабочіе завоевали себѣ человѣческія права, такія насилія надъ ними уже не творятся; каждый рабочій, при столкновеніи съ хозяиномъ, можетъ прибѣгнуть къ защитѣ закона, который существуетъ въ этихъ странахъ не на бумагѣ только, а въ жизни, не для богатыхъ только, но для всѣхъ одинаково. Правда, было время, когда и тамъ законы защищали только богатыхъ, а бѣднаго человѣка, если онъ начиналъ тягаться съ богатыми, всегда притѣсняли. Это происходило потому, что судьями всегда были сами же богатые, а разъ законъ былъ въ ихъ рукахъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что бѣдняки всегда выходили виноватыми.

Но вѣдь законъ, возразятъ намъ, находится въ рукахъ государства — царя, короля и т. д., а для него вѣдь все равно — бѣдный или богатый, рабочій или хозяинъ ищетъ правды. Пожалуй, рабочіе-то еще важнѣе, потому что ихъ милліоны, а богатыхъ — кучка; потому что рабочіе платятъ подати на содержаніе царей и королей, на ихъ трудѣ держится все государство, богатые же удѣляютъ лишь крохи отъ своихъ громадныхъ капиталовъ на пользу государства. Поэтому выходитъ такъ, что законъ долженъ бы защищать скорѣе рабочихъ, скорѣе бѣдныхъ, чѣмъ богатыхъ? Да въ томъ-то и дѣло, что цари, короли и ихъ чиновники всегда стоятъ на сторонѣ богатыхъ и потому законы

всегда пишутся такъ, чтобы они были на пользу только богатымъ. Такая дружба объясняется очень просто: какъ цари, такъ и всѣ богатые сами ничего не дѣлаютъ, а живутъ исключительно на счетъ труда рабочаго люда, а потому самое выгодное для нихъ, — это именно жить дружно, чтобы тѣмъ легче и безбоязненнѣе можно было обирать рабочихъ.

Въ сосѣднихъ съ нами государствахъ дѣло стоитъ уже не такъ; тамъ рабочіе составляютъ такую силу, которую оскорблять никто уже не смѣетъ.

Только у насъ еще рабочій считается не человѣкомъ, а скотиной, и чинить надъ нимъ всякія насилія, оскорблять его на каждомъ шагу, обсчитывать, давить гдѣ только можно— никому не возбраняется. А если рабочій станетъ защищаться, жаловаться, напримѣръ, на обидчика-хозяина въ судъ, такъ самъ же и будетъ наказанъ, потому что законы у нихъ для богача и для рабочого — разные. Богачу они мирволятъ во всемъ, а на рабочаго ложатся камнемъ.

Заграницей и судьи и большинство чиновниковъ выбираются самимъ народомъ, находятся подъ его наблюденіемъ и потому строго исполняютъ законы. Еще недавно были и у насъ мировые судьи, *которыхъ выбирали*, и тогда въ судѣ можно было надѣяться и рабочему найти правду, а теперь, когда ихъ замѣнили земски-

ми начальниками изъ дворянъ, которыхъ назначаютъ министры и губернаторы, на всякую жалобу противъ богача одинъ отвѣтъ—кулакъ, да розги.

На фабрикахъ, заводахъ, въ мастерскихъ, въ копяхъ — всюду, куда ни посмотришь, рабочему не жизнь, а каторга. Какую ни возьмите фабрику у насъ, вездѣ рабочій находится въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Помѣщенія полутемныя, сырыя, воздухъ весь переполненъ пылью, такъ что непривычному человѣку трудно дышать. Отъ этихъ невыносимыхъ условій рабочіе мрутъ, какъ мухи, а хозяину и горя мало. Начальство съ него не взыскиваетъ за безобразныя условія труда на фабрикѣ, а хозяину и горя мало. Будь на мѣстѣ людей-рабочихъ рабочіе-животные, т. е. лошади или быки, хозяинъ бы, конечно, позаботился объ ихъ положеніи, боясь, что они заболѣютъ и передохнутъ — придется покупать новыхъ — а съ рабочими не нужно никакихъ заботъ, на мѣсто умершаго отъ изнуренія тотчасъ явятся сотни здоровыхъ.

Извѣстно, что, при хорошихъ условіяхъ фабричной жизни, рабочій можетъ сработать гораздо больше, чѣмъ при худыхъ, и потому всѣ фабричныя улучшенія выгодны даже хозяевамъ. Но хозяева, ослѣпленные жадностью къ наживѣ, зная, что они, по первому требованію, найдутъ сколько угодно новыхъ, здоровыхъ рабо-

чихъ, не желаютъ и думать объ улучшеніяхъ. Что при лучшихъ условіяхъ жизни меньше будетъ умирать рабочихъ, что въ такомъ случаѣ рабочіе выработаютъ гораздо больше, до этого хозяину мало дѣла. Онъ знаетъ, что улучшеніе условій фабричной жизни рабочихъ потребуетъ новыхъ расходовъ. А это для него страшнѣе всего; онъ готовъ лучше получать барышу хоть меньше, но теперь, сейчасъ же, чѣмъ больше, но въ будущемъ.

И вотъ рабочіе мрутъ, какъ мухи, благодаря каторжнымъ условіямъ фабричной жизни, а хозяева тѣмъ временемъ набиваютъ себѣ карманы.

На табачныхъ фабрикахъ, напримѣръ, самую вредную работу исполняютъ даже не взрослые, а дѣти: послѣ того какъ табакъ разрѣзывается машиной, его нужно перетряхивать. Это на большей части нашихъ фабрикъ исполняютъ 9, 10, 11-лѣтніе ребята. Когда они производятъ эту адскую работу, то буквально изчезаютъ въ облакахъ табачной пыли. Конечно, дѣти едва доживаютъ до зрѣлаго возраста — они большей частью умираютъ отъ чахотки. А хозяину что? На мѣсто умершаго или заболѣвшаго становится опять свѣжій, здоровый! И такъ вездѣ. Куда ни погляди, вездѣ на Руси мучается рабочій людъ! Недоѣдая, недосыпая, онъ задыхается въ пыли мастерскихъ и фабрикъ, мокнетъ по поясъ въ водѣ въ рудникахъ и копяхъ. Словомъ, рабочій, добывая хозяину барыши,

самъ сгораетъ, какъ свѣчка. Въ какихъ нибудь 15—20 лѣтъ изъ здороваго, дышащаго жизнью и силою рабочаго онъ превращается въ дряхлаго, безсильнаго старика. А сколько душевныхъ мукъ, оскорбленій онъ ко всему этому еще вынесетъ, страшно и подумать! . . . Съ собакой и то поступаютъ лучше, когда она состарится и потеряетъ силу, охраняя хозяйское добро — ей даютъ конуру и кусокъ хлѣба. А рабочаго, своей кровью и потомъ добывавшаго хозяину богатства, когда онъ, наконецъ, потеряетъ силу, выгоняютъ на улицу или умирать съ голоду или заняться нищенствомъ! Такъ тяжела, безвыходна участь рабочаго! Вся жизнь его—темная, непроглядная ночь, сплошная цѣпь страданій, обидъ, оскорбленій; ни однаго луча свѣта не проглянетъ въ его каторжную жизнь, не согрѣетъ его наболѣвшаго сердца!

И такъ будетъ идти до тѣхъ поръ, пока рабочіе не дадутъ отпоръ своимъ грабителямъ, пока рабочій не заявитъ о своемъ человѣческомъ достоинствѣ, пока рабочіе сами не возьмутся за улучшеніе своей участи. На царя имъ въ этомъ нечего надѣяться. Царю, вообще, мало дѣла до того, какъ живется рабочему; ему одна забота — была бы сполна уплочена подать, а тамъ—хоть бы съ рабочаго живьемъ кожу содрали! Да если бы царь и захотѣлъ что-нибудь сдѣлать, такъ и то бы ничего не вышло, потому что самъ-то онъ находится въ рукахъ бога-

тыхъ и дѣлаетъ только-то, что для нихъ выгодно. Да оно и понятно — что выгодно имъ, то и ему не въ убытокъ.

Чѣмъ больше рабочаго давятъ, притѣсняютъ, тѣмъ онъ все больше и больше превращается въ покорное, безсловесное животное; тѣмъ легче съ такого рабочаго собирать подать, выколачивать недоимку; его можно выпороть, и въ холодной выдержать, — такой рабочій не способенъ оказать сопротивленіе. Вотъ почему и дружитъ-то царь съ богатыми, и вотъ отчего на него рабочему надѣяться нечего. Хотя въ такой дружбѣ правительства съ хозяевами никто не сомнѣвается, но всего лучше будетъ, если мы приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Недавно цѣлая артель рабочихъ была завезена подрядчикомъ-хозяиномъ въ Архангельскую губернію на желѣзно-дорожныя работы.* Подрядились работать отъ восхода до захода солнца. Пища должна была быть отъ хозяина, а также и жилье. Но вмѣсто «хорошей» пищи давали какую-то бурду. Жилищъ никакихъ не дали и рабочіе должны были все время оставаться въ болотистой мѣстности на открытомъ воздухѣ. Отъ этого у нихъ скоро пошли болѣзни; а мошки, которыми кишмя кишатъ такія мѣста, сживали со свѣту не только больныхъ, но и здоровыхъ. До ко всему этому присоединился

---

* См. «Русск. Вѣдом.» за 1-е Іюля 1895 г.

еще и самый наглый, безсовѣстный обманъ со стороны хозяина. Дѣло въ томъ, что на сѣверѣ — въ Архангельской, напримѣръ, губерніи — ночи лѣтомъ продолжаются лишь 2-3 часа. Конечно, рабочіе этого не знали, такъ какъ были привезены изъ другихъ губерній (напримѣръ Рязанской), на что хозяинъ и расчитывалъ, обязавъ ихъ въ контрактѣ работать отъ восхода солнца до захода. Такимъ образомъ приходилось работать по 21-22 часа въ сутки и отдыхать лишь 2-3 часа. И это при самой скверной пищѣ, при отсутствіи какого-либо жилья, живя въ болотистой мѣстности, когда цѣлый столбъ насѣкомыхъ колыхается надъ вами. Но рабочіе—все таки люди, хотя хозяева ихъ за таковыхъ и не считаютъ; помучившись недѣлю-другую они бросили работу и потребовали свои паспорта, рѣшивши уѣхать на родину. Не тутъ-то было! Подрядчикъ-хозяинъ и слушать ни о чемъ не хочетъ. Долго бились рабочіе, наконецъ, отправились въ Архангельскъ съ жалобой къ губернатору. Тотъ оказался не лучше хозяина. И вотъ несчастные, завезенные въ чужую сторону, принуждены были валяться нѣсколько дней голодные, прямо на улицѣ, въ пыли, подъ зноемъ іюльскаго солнца, у дома сіятельнаго губернатора; наконецъ, онъ приказалъ отправить ихъ на казенный счетъ, т. е. этапнымъ порядкомъ на родину. А подрядчикъ? Онъ, конечно, ищетъ новыхъ работниковъ, но-

выхъ простаковъ, чтобы и съ ними продѣлать тоже самое. А рабочіе поплатились за то, что ихъ обманули, и не только хозяинъ, но и само правительство, начальство.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь контрактъ былъ *законнымъ* образомъ засвидѣтельствованъ, значитъ, начальство знало, что хозяинъ, обязывая рабочихъ работать отъ восхода до захода, тѣмъ самымъ закабаливаетъ ихъ 21—22-часовымъ рабочимъ днемъ, чего не только человѣкъ, но даже скотина не выдержитъ. Но такъ какъ начальство всегда держитъ руку хозяевъ, то оно контракта этого не только не разъяснило рабочимъ, не запретило его, но своимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати скрѣпило, узаконило эту мошенническую продѣлку. Вотъ какова дружба начальства съ хозяевами.

А вотъ недавно былъ и другой случай, который еще лучше указываетъ на эту дружбу.* На сибирской желѣзной дорогѣ, въ г. Омскѣ, работала артель столяровъ, привезенная подрядчикомъ изъ Нижняго-Новгорода. Рабочихъ измучивали работой, давали самое короткое время на обѣдъ и отдыхъ, постоянно ни за что, ни про что штрафовали, а плату давали самую нищенскую, даже ниже, чѣмъ платили мѣстнымъ поденьщикамъ. Извѣстное дѣло, съ завезеннымъ рабочимъ церемониться нечего: безъ паспорта,

---

* См. «Русск. Вѣдом.» за 16—17 Сентября 1895 г.

да безъ денегъ, небось, не сбѣжитъ, а, въ случаѣ чего, такъ и начальство подъ рукой. Доведенные до крайности рабочіе потребовали, чтобы имъ набавили плату, дали бы такую хоть, какую платятъ мѣстнымъ чернорабочимъ. Подрядчикъ-хозяинъ отказалъ. Тогда 19 столяровъ бросили работу (всѣхъ нижегородцевъ было 483 человѣка) и потребовали свои паспорта, рѣшивъ уѣхать домой. Подрядчикъ на это вполнѣ законное требованіе только плюнулъ. Рабочіе наняли адвоката и подали на хозяина въ судъ; мировой судья присудилъ возвратить рабочимъ паспорта. Тогда жандармское желѣзнодорожное управленіе обвинило 9 человѣкъ въ бунтѣ (у насъ стачка всегда считается бунтомъ), а адвоката ихъ обвинило въ подстрекательствѣ къ бунту. Мировой судья оправдалъ и 9-рыхъ рабочихъ, и адвоката, не нашедши въ ихъ поведеніи ничего преступнаго. Начальство это еще болѣе взбѣсило и оно, съ разрѣшенія министра юстиціи, перенесло это дѣло въ военно-окружной судъ, ну а тамъ, конечно, съ разрѣшенія того-же министра, признали и рабочихъ, и ихъ адвоката «бунтовщиками» и присудили 3-хъ рабочихъ въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ, 6-рыхъ на 3 недѣли, а адвоката, который велъ правое дѣло рабочихъ — на 5 недѣль подъ арестъ.

Вотъ какъ раздѣлываются у насъ съ рабочими, когда они *маленькими кучками* начинаютъ

защищать свои интересы, и вотъ какъ, безъ стыда и совѣсти, наше царское чиновничество, наше начальство служитъ хозяевамъ; всегда, во чтобы то ни стало, защищаетъ ихъ интересы и нагло топчетъ интересы рабочихъ. Но вѣдь это все чиновники, начальство виновато, скажутъ намъ, а самъ-то царь стоитъ за народъ, за рабочихъ, да только не знаетъ, что ихъ обижаютъ! Такимъ людямъ укажемъ на недавно бывшую стачку въ Ярославлѣ. Рабочіе на полотняной фабрикѣ устроили стачку, такъ какъ имъ понизили заработную плату. Стачка эта, по обыкновенію, была сочтена «бунтомъ» и для усмиренія «бунтовщиковъ» были присланы войска, которыя, прибывши на мѣсто, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, стали разстрѣливать рабочихъ, какъ разстрѣливаютъ только бѣшенныхъ собакъ. Беззащитные, безоружные рабочіе, конечно, должны были сдаться и снова начать работу.

А «славному» войску нынѣшній молодой царь самъ, самолично прислалъ благодарность* за избіеніе рабочихъ, или, какъ онъ изволилъ выразиться: «за умѣлое и своевременное употребленіе оружія». Благодарность эта была напечатана во всѣхъ газетахъ.

Итакъ, тутъ ужъ царь не только знаетъ, что

---

* *См.* приказъ начальнику главн. штаба за № 23,659, помѣщенный въ *Яросл. Губерн. Вѣдом.* за іюнь 1895.

дѣлаютъ съ рабочими, но даже благодаритъ свои «вѣрныя войска», за то, что они этихъ рабочихъ разстрѣливаютъ.

Можно бы привести еще сотни такихъ примѣровъ, да незачѣмъ. Каждый рабочій на своей шкурѣ испыталъ дружбу хозяевъ съ начальствомъ, правительствомъ, царемъ, а приведенные примѣры, особенно послѣдній, ясно показываютъ, что эта дружба нерѣдко доходитъ до безстыдства, до наглости!

Итакъ, на начальство, правительство, царя рабочимъ надѣяться нечего. На своихъ хозяевъ, заводчиковъ, фабрикантовъ понадѣяться могутъ развѣ только дураки. Хозяева готовы изъ рабочаго всѣ жилы вытянуть, только бы побольше барышей получить. Сбавить рабочему плату, заставить его проработать лишній часъ, сорвать съ него ни за что, ни про что штрафъ, — вотъ это ихъ дѣло, на это рабочій всегда можетъ надѣяться, только не на что нибудь другое.

А если надѣяться рабочему не на кого, то и остается только одно — самому позаботиться о себѣ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, рабочихъ—тысячи, сотни тысячъ, милліоны — и они страдаютъ, мучаются, живутъ хуже каторжныхъ, не знаютъ ни радости, ни счастья; а богатыхъ? — сколько ихъ? — ихъ капля, въ сравненіи съ рабочими, какая нибудь жалкая кучка; и вотъ эта кучка живетъ на счетъ рабочаго, пьетъ его кровь, высасываетъ всѣ его соки. Неужели же

милліоны слабѣе этой кучки кровопійцъ? Да, пока эти милліоны *отдѣльныхъ* рабочихъ будутъ, *каждый въ одиночку*, страдать и терпѣть и *каждый про себя* возмущаться, всѣ милліоны рабочихъ безсильнѣе жалкой кучки богатыхъ, интересы которыхъ защищаетъ и царь, и законы, и войско.

Только когда рабочіе сознаютъ, что ихъ интересы общіе, что всѣ они братья по страданію, что всѣхъ ихъ одинаково давятъ и царь съ своими войсками, и богатые съ ихъ законами, — словомъ, когда рабочіе сознаютъ, что ихъ интересы прямо противуположны интересамъ и царя, и хозяевъ, тогда они сдѣлаютъ шагъ на пути къ своему освобожденію изъ подъ давящаго ихъ ярма. Враги рабочихъ представляютъ огромную силу. Бороться съ ней можетъ лишь равная ей сила.

Гдѣ-жъ ее взять? — спросятъ у насъ. Какъ гдѣ? — она въ рукахъ самихъ рабочихъ, она въ нихъ самихъ. Стоитъ имъ только по примѣру заграничныхъ рабочихъ объединиться — и они явятся тѣмъ могучимъ, грознымъ богатыремъ, который заставитъ содрогнуться своихъ мучителей. Предъ такой — и только предъ такой—силой враги принуждены будутъ уступить. Противъ нея не сможетъ бороться ни царь, ни войско. Но какъ же всѣмъ объединиться? Русь такъ велика, а рабочіе разбросаны по всѣмъ ея уголкамъ.

Конечно, по щучьему велѣнію, въ одинъ мигъ, сдѣлать этого нельзя, это нужно дѣлать постепенно. Прежде всего рабочіе должны соединиться въ отдѣльные союзы на фабрикахъ, заводахъ, въ копяхъ, мастерскихъ и т. д., словомъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходится работать десятку, другому рабочихъ, они должны образовать одинъ общій союзъ. Такой союзъ долженъ хотя разъ въ недѣлю собираться вмѣстѣ, обсуждать положеніе рабочихъ, подумать вмѣстѣ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы улучшить это положеніе.

Союзъ долженъ образовать свою кассу, куда каждый членъ долженъ вносить извѣстную часть своего мѣсячнаго заработка. Изъ такой кассы союзъ можетъ поддержать рабочихъ въ случаѣ, если они затѣютъ стачку.

Конечно, въ каждомъ городѣ, — особенно фабричномъ, находится не одна, а можетъ быть 20, 30 и болѣе фабрикъ и заводовъ. И вотъ, если на каждой изъ нихъ рабочіе соединятся въ такіе союзы, то они ужь состявятъ силу, съ которой хозяевамъ придется считаться. Само собой разумѣется, что всѣ такіе *Союзы должны имѣть между собою самую тѣсную связь,—только въ ихъ единеніи ихъ жизнь и сила.*

Самая простая и удобная форма сношенія союзовъ другъ съ другомъ въ одномъ городѣ была бы та, если бы союзы устраивали общія собранія. Но въ томъ-то и дѣло, что русскіе

рабочіе, какъ и всѣ русскіе граждане живутъ при такихъ условіяхъ политической жизни, когда всякое такое собраніе было бы признано бунтомъ.

Полиція, съ помощью солдатскихъ штыковъ, разогнала бы его, а многихъ разсадила бы по каменнымъ мѣшкамъ. При нашихъ условіяхъ жизни, такіе союзы должны дѣйствовать тайно, собираться должны не всѣ члены союзовъ, а только выборные, ихъ представители. Послѣдніе всегда найдутъ укромный уголокъ, въ которомъ поговорятъ о дѣлахъ своихъ союзовъ, сговорятся о необходимости той или другой мѣры, о томъ или другомъ требованіи къ хозяевамъ, порѣшатъ о возможности и необходимости стачки, и т. п. Въ послѣднемъ случаѣ особенно важно согласіе всѣхъ союзовъ въ данной мѣстности. Разъ отдѣльный союзъ началъ стачку съ общаго согласія, онъ поддерживается на счетъ кассъ остальныхъ союзовъ; въ извѣстныхъ случаяхъ, если это найдутъ нужнымъ, рабочіе остальныхъ союзовъ могутъ также забастовать, чтобы первые стачечники добились отъ хозяевъ исполненія своихъ требованій.

Такъ, напр., недавно въ Америкѣ союзъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ устроилъ стачку, требуя отъ хозяевъ повышенія заработной платы. Хозяева не сдавались. Тогда стачечники обратились за помощью къ остальнымъ желѣзнодорожнымъ союзамъ. И вотъ, черезъ нѣсколько

дней послѣ этого почти три-четверти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ государства пріостановили свое движеніе, такъ какъ всѣ рабочіе бросили работу. При такомъ братскомъ согласіи рабочіе всегда останутся побѣдителями; только при такомъ совмѣстномъ образѣ дѣйствій рабочіе добьются самостоятельности и значительнаго улучшенія своего положенія.

Изъ этого же слѣдуетъ, что должны быть объединены не только союзы въ отдѣльныхъ городахъ, но и союзы всего государства. Они всѣ должны составить одинъ общій рабочій союзъ. Объединеніе это опять таки должно произойти при помощи представителей отдѣльныхъ союзовъ. Эти представители могутъ устраивать тайные съѣзды; на этихъ съѣздахъ можетъ быть выработанъ общій планъ борьбы съ хозяевами; можетъ быть сообща рѣшено послать требованіе къ правительству, чтобы оно, напр., закономъ сократило рабочій день, ограничило рабочій день женщинъ и дѣтей, сбавило бы подати съ рабочаго люда и переложило бы ихъ на богатыхъ; на такихъ общихъ съѣздахъ можетъ быть рѣшено устройство тайной типографіи, въ которой рабочіе могли бы печатать свою газету, а въ ней писать о своихъ требованіяхъ къ хозяевамъ и правительству.

Только въ союзѣ сила рабочаго! Отдѣльный прутъ всегда легко переломить, но если его приложить къ сотнѣ, другой такихъ же прутьѣ-

евъ и попробовать сломить цѣлую связку, такъ это и самому Ильѣ Муромцу оказалось бы не подъ силу. Такъ точно и съ рабочимъ. Если рабочій дѣйствуетъ только въ одиночку, то хозяинъ сдѣлаетъ съ нимъ все, что ему вздумается: и плату сбавитъ, и штрафъ незаслуженный наложитъ, и совсѣмъ съ фабрики выгонитъ,—словомъ, все равно, что прутъ—сломитъ и выброситъ на улицу.

Другое дѣло, если дѣйствуютъ всѣ рабочіе вмѣстѣ, если всѣ стоятъ за одного и одинъ за всѣхъ. Тогда ужъ совсѣмъ другая пѣсня выходитъ. Тутъ ужь—не прутъ, а цѣлая связка. Напримѣръ, рабочій союзъ какой нибудь фабрики требуетъ отъ хозяина сокращенія рабочаго дня. Хозяинъ не соглашается. Союзъ рѣшаетъ устроить стачку и бросаетъ работу. И хозяину, только за день еще кричавшему на рабочихъ, теперь приходится, почесывая затылокъ, смотрѣть на опустѣвшую фабрику.

Каждая такая общая, умно-веденная стачка приноситъ хозяину страшные убытки. Если стачка затягивается на болѣе долгое время, то хозяинъ окончательно раззоряется.

Такая стачка, веденная съ общаго согласія и при поддержкѣ остальныхъ союзовъ, неизбѣжно заставляетъ хозяина сдаться.

Забастуй 2, 3, 4 рабочихъ — они немедленно будутъ выброшены хозяиномъ на улицу или, при помощи его друзей полицейскихъ, какъ

«бунтовщики», могутъ даже поплатиться тюрьмой. Ну, а если всѣ рабочіе забастуютъ, такъ ужъ тутъ не хватитъ и тюремъ, и чѣмъ больше будетъ упрямиться хозяинъ, тѣмъ больше онъ потерпитъ убытковъ и, въ виду неминуемаго раззоренія, волей —неволей долженъ будетъ уступить.

Впрочемъ, союзу, ведущему стачку, приходится бороться не только съ упрямствомъ хозяина, но и съ рабочими же, именно съ тѣми, которые не принадлежатъ ни къ какимъ союзамъ. Такіе рабочіе занимаютъ мѣсто стачечниковъ на фабрикѣ и союзъ проигрываетъ все дѣло. Конечно, бороться съ такими рабочими, которые для союзныхъ рабочихъ являются не меньшими врагами, чѣмъ сами хозяева, бороться съ ними можетъ только союзъ, который, какъ таковой, всегда можетъ принять противъ нихъ тѣ или другія мѣры. Рабочій союзъ — это та могучая, грозная сила, передъ которой, какъ былинка, гнется спѣсь и упрямство хозяевъ, укрощается ихъ жадность; рабочій союзъ — это та сила, которая заставляетъ правительство прислушиваться къ голосу рабочаго.

Только благодаря союзамъ, рабочіе всѣхъ другихъ странъ достигли того, что имѣютъ свои газеты, своихъ выборныхъ въ управленіи государствомъ; только благодаря союзамъ, рабочіе заставили правительство издать законы о свободѣ стачекъ, союзовъ, печати, однимъ словомъ,

только благодаря союзамъ, рабочіе добились свободы.

А было время, когда эти же рабочіе были въ точно такомъ же положеніи, въ какомъ находятся теперь русскіе рабочіе. Они не имѣли права участвовать въ союзахъ, каждая стачка считалась бунтомъ и усмирялась штыками и тюрьмой; еще только 30 лѣтъ тому назадъ стачка въ Англіи наказывалась каторгой, рабочіе не смѣли даже и мечтать о свободѣ стачекъ и союзовъ; словомъ, они были въ той-же кабалѣ, какъ у правительства, такъ и у хозяевъ, въ какой теперь находятся и ихъ русскіе братья. А теперь они, какъ мы уже сказали, имѣютъ и свои собственныя газеты, и свои роскошныя зданія, въ которыхъ устраиваютъ собранія; они имѣютъ право устраивать стачки, образовывать союзы, они имѣютъ въ парламентахъ* своихъ представителей, которые отстаиваютъ ихъ интересы; они устраиваютъ всемірные рабочіе съѣзды, они въ нѣкоторыхъ странахъ добились уже 8-часоваго рабочаго дня. Какъ же они достигли всего этого? Главнымъ образомъ, благодаря

* Дѣло въ томъ, что только у насъ, да еще въ Турціи, гдѣ сохранились цари, эти послѣдніе сами управляютъ государствомъ. Во всѣхъ-же другихъ странахъ дѣлами государства завѣдываетъ или самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ (республика), или же цари, вмѣстѣ съ особымъ земскимъ соборомъ, въ который народъ посылаетъ своихъ представителей. Такой земскій соборъ называется парламентомъ.

своимъ союзамъ. Сперва союзы эти устраивались тайно. Нерѣдко правительство узнавало про нихъ; рабочихъ, а особенно ихъ вожаковъ, арестовывали, сажали въ тюрьмы; но союзы не падали духомъ, а наоборотъ—еще болѣе сплачивались, крѣпли, росли. Засадивъ десятокъ, другой рабочихъ или выдающихся вожаковъ, разогнавъ рабочую сходку, какъ правительство такъ и хозяева успокаивались, думая, что уничтожили силу рабочихъ. Послѣ такихъ погромовъ, рабочіе на нѣкоторое время затихали, а начальство и хозяева успокаивались. Но вдругъ, сильной волной охватываетъ стачка 2-3 фабрики и снова рыщутъ полицейскіе, шныряютъ, ищутъ зачинщиковъ, грозятъ рабочимъ, но тѣ, не обращая вниманія, расходятся по домамъ и ждутъ пока хозяева не уступятъ.

Такъ шла борьба глухая, неравная: на одной сторонѣ были рабочіе, на другой—хозяева, законы, правительство, солдаты и полицейскіе. Враги рабочихъ были сильны, но и союзы рабочихъ росли, а съ ними росла и ихъ сила, сила грозная, могучая, которая, какъ раскаты грома, давала знать о своемъ приближеніи, давала знать о наступленіи того часа, когда рабочіе сбросятъ съ себя иго правительства и хозяевъ. На Западѣ часъ этотъ пробилъ, — тамъ рабочіе добились признанія своихъ правъ: мало по малу, они завоевали себѣ право союзовъ, право сходокъ, свободу рѣчи, свободу печати, сокра-

щеніе рабочаго дня, фабричные законы, защищающіе ихъ отъ притѣсненій хозяевъ. Добившись этого, они захотѣли бороться съ зломъ въ корнѣ — захотѣли добиться уничтоженія бѣдности и богатства, — захотѣли, чтобы не было нищихъ и богачей и, вмѣсто ихъ, были равные, свободные, рабочіе люди.

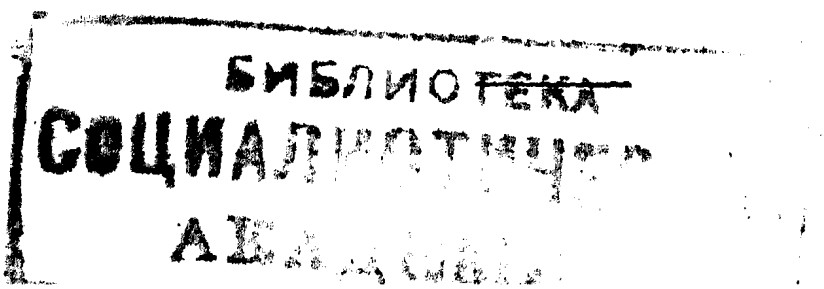
Исполненіе этихъ требованій тоже не за горами. По мѣрѣ того, какъ будутъ развиваться и расти союзы русскихъ рабочихъ, будетъ приближаться и часъ освобожденія русскаго рабочаго люда; окрѣпнутъ они, сольются въ одинъ общій рабочій союзъ, тогда и пробьетъ этотъ часъ, и свобода угнетенныхъ милліоновъ восторжествуетъ и въ нашей родной странѣ.

Только соединившись въ союзы, рабочіе завоюютъ себѣ человѣческія права, а пока они будутъ идти въ разбродъ, въ одиночку, дѣйствовать каждый за свой страхъ, ихъ будутъ оскорблять, душить, давить каждый урядникъ, каждый полицейскій.

Соединяйтесь же, братья, крѣпко стойте другъ за друга! Помните всегда, что начальство и хозяева—все это ваши враги, которые вытягиваютъ ваши жилы, высасываютъ соки изъ вашихъ женъ и дѣтей! Вашимъ врагамъ нужны лишь ваши рабочія руки, а васъ самихъ они хотятъ превратить лишь въ безсмысленный, послушный, рабочій скотъ. Только братски соединившись другъ съ другомъ, вы дадите отпоръ этой

шайкѣ грабителей, заставите признать васъ свободными людьми, какъ ваши западные братья, завоюете вашу свободу, заставите признать за вами ваши права!

Если-бы рабочіе, прочитавъ настоящую книжку о «союзахъ», пожелали узнать подробности о томъ, какъ борются рабочіе заграницей за свои права и чего они добиваются, — мы совѣтуемъ имъ для этого внимательно читать въ русскихъ газетахъ корреспонденціи изъ Германіи, Англіи, Бельгіи и Франціи. О рабочемъ движеніи въ Европѣ часто пишутъ также и въ ежемѣсячныхъ русскихъ журналахъ, какъ напр., въ *Русскомъ Богатствѣ*, *Вѣстникѣ Европы*, *Русской Мысли* и др. Всѣ эти журналы, какъ и газеты, дозволены цензурой и потому ихъ легко можетъ достать всякій интересующійся рабочій. Познакомившись съ положеніемъ и борьбой своихъ европейскихъ собратьевъ, русскіе рабочіе съумѣютъ сравнить свое безправное положеніе съ тѣмъ положеніемъ, какое себѣ завоевали рабочіе въ Европѣ, и поймутъ, что для нихъ нѣтъ другого выхода, какъ только или послѣдовать примѣру западно-европейскихъ рабочихъ и бороться за свои права, или же погибать въ нищетѣ подъ ярмомъ фабрикантовъ и всякаго рода начальства.


БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛ
АБ

На изданіе брошюры израсходовано — 160 фр.

Получено для этой цѣли:

Отъ Н.	- - - - - - - - -	50 фр.
„ Д. К.	- - - - - - - - -	60 фр.
„ Базиліи	- - - - - - -	7 фр. 15 с.
	Всего	117 фр. 15 с.